

«ОТРАДУ СЛОВ СКУПЫХ И ЯСНЫХ ПРОШУ Я ГОСПОДА МНЕ ДАТЬ...»: POETICAL WORD AS A OBJECT OF REFLECTION IN THE LYRIC OF VLADIMIR NABOKOV

Abstract: The article is devoted to the problem of Nabokov's comprehension of the phenomenon of the poetic word. It is proved that Nabokov understood the "verb" as a means by which he can speak of life as a reflection of the Divine. It is asserted that Nabokov was twofold in relation to the word: it must be found by the poet in the course of intense "work", but at the same time it must be easy and free.

Author information:

Natalya Lapaeva-Risteska
Assoc. Prof., PhD
Ss. Cyril and Methodius University of Skopje,
✉ natalya_lapaeva@mail.ru
🌐 Macedonia

Keywords:
the lyrics of Vladimir Nabokov, the poet about the
essence of poetry, the content and form of the poem,
poet's mission.

Владимир Набоков (1899–1977), знаковый участник литературного процесса XX века, серьезно размышлял над тем, что такое феномен поэзии. Концептуальным в понимании Набоковым феномена поэтического творчества является его боговдохновенный характер. В стихотворении «Путь» (1925) поэт обращается к Господу с просьбой дать ему больше впечатлений от бытия («...побольше странствий, встреч опасных, в лесах подальше заплутать» [2]), которые потом будут переплавлены в стихи – в слова «скупые и ясные». Набоков понимает, что земная жизнь – это отсвет Божественного («Божья тень волнистая сквозь наши / завесы разноцветные видна...» [3, с. 72]). Поэт уверяет, «с детства предан глубокому глаголу» [2], который должен отразить именно такой – пронизанный присутствием Бога – мир.

Философско-лирическим символом, запечатлевающим мысль Набокова о связи поэзии с Божественным началом, является образ бабочки. Поэзия, как понимает ее Набоков, – это живототворящий «напев» среди ужаса и безобразия жизни («В годы грохота и смрада, / еще иссякнуть не успев, / журчит, о бледная отрада, / наш замирающий напев» [2]). Поэзию как «замирающий напев» Набоков сравнивает с «бабочкой жемчужной» («И, слабый, ласковый, ненужный, / он веет тонкою тоской, / как трепет бабочки жемчужной / в окне трескучей мастерской» [2]). Набоков, по мысли Д. М. Бетяя, понимает бабочку «как образ искусства в мире изгнания с его постоянно ускользящим смыслом» [1, с. 170]. Но одновременно бабочка у Набокова – это важное звено в великой цепи, связывающей поэта с иным миром («О, как ликуют они, как мерцают божественно!» [2]).

Поэтическое творчество, реализованное в слове, есть, по Набокову, отражение метафизики бытия через его «физику». Чувствительную душу поэта «томят и ранят» «все муки и прелести мира»: «окно, в отдаленье поймавшее луч», «высокое небо», «внимательные тучи», «краса, укоризна вечерней зари» [3, с. 173].

Поэту, как считает Набоков, даны другие, чем «доброму», то есть «обычному», человеку возможности. Поэт способен услышать и выразить даже «молчанье»: «... молчанье любви. / Молчанье далекой дороги тележной, / где в пене цветов колея не видна, / молчанье отчизны – любви безнадежной – / молчанье зарницы, молчанье зерна» [3, с. 174]. Здесь «молчанье» не

означает пустоту и бессмысленность, но является отражением понимания поэтом многомерности устройства бытия. В сущности, в этих строчках поэт говорит о смыслообразующих «вечных ценностях», о «нетленном»: о любви, красоте мира, отчизне, жизни, которая сильнее смерти.

В своих стихах Набоков не только размышляет о сущности поэзии, но и говорит о том, «как надо делать стихи. Это особенно ярко передает стихотворение «Если вьется мой стих, и летит, и трепещет...» (1918) [2]. Набоков уверяет в нем, что совершает «ежедневный» подвиг труда – «Каждый звук был проверен и взвешен прилежно, / каждый звук, как себя, сознаю...» Для труда, которым занят поэт, характерны напряженность и интенсивность – «... ты не думай, что не было острых усилий, / что напевы мои, как во сне, / незаметно возникли». Для Набокова творческий процесс – это всегда умственное и душевное усилие и крайнее напряжение всех внутренних сил. Вместе с тем, в стихотворении, по мысли Набокова, не должны чувствоваться «муки» поэта. Результатом творческого труда становится создание легких стихов («... если солнечный звук так стремительно плещет, / если песня так зыбко-легка...» [2]), «ткань» которых должна представлять из себя «ясные созвучия-лучи». Поэзия, в восприятии Набокова, рождается подобно тому, «как у бабочки влажной, еще не свободной, / расправлялось крыло за крылом» [2].

Чрезвычайно важны требования Набокова к словесной форме, воплощающей содержание стихотворения. Он убежден, что, даже если поэт способен выразить «невывразимое», при этом он обязан стремиться к четкости и ясности слов. Особенно отчетливо это условие прозвучало в стихотворении «Поэту» (1918) [2], смысловым центром которого является строчка «... словами четкими передавать учись оттенки смутные минутных впечатлений...» Субстанция стиха, как понимает ее Набоков, может быть, «таинственно-тревожной», «туманно-трепетной», однако поэтическое слово должно удовлетворять требованию: «отчетливость нужна и чистота и сила». Этому поэт пытается следовать сам и учит других: «Болота вязкие бессмыслицы певучей покинь, / поэт, покинь и в новый день проснись! / <...> / Несносен звон пустой, неясность утомила: / я слышу новый звук...». В четком по структуре «футляре» стихотворения должно содержаться глубокое и тонкое содержание. Набоковскую способность «самоконтроля» отмечал еще Глеб Струве, с точки зрения которого, поэт никогда не позволял себе ничего художественно немотивированного и не допускал в своем поэтическом творчестве вольных экспериментов: «Набоков – интересный случай поэта, развивавшегося прочь от крайнего поэтического консерватизма в молодости, но, благодаря своей ранней выучке и дисциплине, твердо державшего своего Пегаса в узде и в самых смелых и неожиданных заскоках его» [5, с. 103]. Глебу Струве вторит и современный историк литературы Владимир Смирнов, утверждающий, что за замечательными достижениями Набокова в поэзии стоят «склонность к самоограничению, ответственность перед мыслью <...>; дисциплинированная привычка сторониться <...> “чудных архаизмов”» [4, с. 14–15], «торжественность без эффектов, поэтизм и риторика» [4, с. 18–19].

Противопоставление поэтом смысла и его языкового выражения, с одной стороны, указывает на внимание к формальной стороне произведения, с другой, – делает его своего рода предметом «научного анализа». Пример тому – стихотворение «Размеры» (1923) [2], адресованное Глебу Струве. В этом лирическом опусе Набоков дает «семантические ореолы» различных стихотворных размеров. О размерах Набоков пишет образно-метафорически: амфибрахий называет «мерным», дактиль – «гулким», в гекзаметере ощущает «медлительную медь и мрамор», в хорее находит «бубенцы и ласточек», в ямбе слышит «созвучия рая». Набоков утверждает, что размеры имеют богатейшие возможности для передачи поэтом своего восприятия мира: с помощью амфибрахия поэт «говорит» и «повествует»; если хочет петь, то в «эоловом размахе анапеста» встретит «звон лютни и ветрил»; в «резной чаше» ямба – «ярче <...> и крепче мысль».

В своих «стихах о стихах» Набоков обратился и к проблеме роли поэта в мире. Его интересовали разные аспекты этой проблемы: как складываются отношения между поэтом и «толпой»? как поэт общается с Музой? какова миссия поэта?

Поэтические тексты Набокова на эту тему свидетельствуют о том, что в них обнаруживаются пушкинские обозначения свободы искусства. Как известно Пушкин предлагал поэту быть равнодушным «к хвале и клевете» – именно так позиционировал себя и Набоков, для которого было принципиальным сохранить независимость и чувство достоинства. В стихотворении

«Неоконченный черновик» (1931) [2] Набоков признавался: «... жизнь мою я взвесил / на пушкинских весах, и честь / осмеливаюсь предпочесть». В понимании Набоковым роли поэта в мире людей ощутимо и лермонтовское начало. Рецепция лермонтовского «Пророка» (1841) очевидна в набоковских «Поэтах» (1919) [2]. Подобно Лермонтову, Набоков с горечью говорит об одиночестве поэтов в мире, об их трагической «несовместимости» с ним – «Так беспощаден гул окрестный, / людей так грубы города, / нам так невесело и тесно, – что мы уходим навсегда... / И, горько сжав сухие губы, / глядим мы, падшие цари, / как черные дымятся трубы / среди перьев розовой зари».

Тема свободы творчества в стихах Набокова иногда имеет «политический» оттенок. Подтверждение этому – стихотворный опус «Разговор» (1928) [2]. В нем представлен взгляд Набокова на советскую литературу. Набоков отзывается о ней «без почтения» и на «тамошних» писателей смотрит как на создателей чего-то крайне примитивного: советские «словотворцы», запечатлевая «в серой луже штык и фабричную стену», грохот строек и ритм «соцстроительства», рвут, уродуют и корежат слова («Грамотеи эти, / Цементов, Молотов, Серпов, / сосредоточенно, как дети, / рвут крылья у жужжащих слов. / Мне их убожество знакомо...») Создатель советской литературы, как определяет его Набоков, – это «мучитель муз, евнух парнасский», «торжествующий резонер». Советским писателям Набоков противопоставляет писателя в эмиграции, «русского гения на иностранном чердаке», который, с его точки зрения, ведет себя честнее, искреннее, «безгрешней» – он пишет не о том, что надо «отразить» по приказу «сверху», а о том, о чем грустит и чему радуется («Бывало, поздно возвращаюсь, / иду, не поднимая глаз, / неизъяснимым насыщаюсь / <...> / И оглушительное счастье / в меня врывается... Во всем / к себе я чувствую участие, – / в звездах и в камне городском».)

В фокус внимания Набокова попадает и он сам как поэт. В стихотворении «К музе» (1929) [3, с. 145] лирический сюжет строится на противопоставлении юности и зрелого возраста поэта как разных состояний и разных ценностных установок. В молодости приход Музы сопровождался поэтическим волнением («Я помню твой приход: растущий звон, / волнение, неведомое миру»), в результате чего рождались стихи с «молодыми» рифмами («...был певуч неправильный мой стих / и улыбался рифмой краснотубой»). В зрелом возрасте крепнет мастерство, а оттого стихи становятся «натертыми», правильно сложенными («Я опытен, я скуп и нетерпим. / Натертый стих блистает чище меди»). Однако поэту грустно («Да, зрелость живописна, спору нет: / лист виноградный, груша, пол-арбуза / и – мастерства предел – прозрачный свет. / Мне холодно...»): во-первых, он понимает, что художник слова бывает ограничен мастерством; во-вторых, в зрелом творчестве больше холодного света, который заменяет полнокровную жизнь. Впрочем, в этой проблеме для Набокова есть свои «рго et contra»: в молодости поэт тщеславен («... и снилось мне: страница под стеклом / бессмертная. Вся в молниях помарок»), в зрелости – свободен, не зависит от желания войти в «пантеон бессмертных» («Мне не под силу многие труды, / особенно тщеславия заботы»).

И все-таки поэту хочется быть услышанным потомками. Эта мысль звучит в стихотворении «Неродившемуся читателю» (1930) [2]. Будучи для своего читателя, «светлого жителя будущих веков», смешным и нелепым представителем другой эпохи, поэт хочет, чтобы тот хоть что-то испытал, обращаясь к его текстам, – окунувшись в былое, почувствовал бы «сквозняк из прошлого». Думается, это стихотворение о том, что поэзия может стать связью между поколениями («...ты, старины любитель, в день урочный / откроешь антологию стихов...»). Набоков призывает: «Облокотись. Прислушайся. Как звучно / былое время – раковина муз». Читатель из будущего должен услышать «былое время», а это ему дадут почувствовать стихи, лежащие в «раковине муз». По Набокову, поэт – «медиум» между эпохами, «ответственный» за связь поколений («Я здесь с тобой. Укрыться ты не волен. / К тебе на грудь я прянул через мрак. / Вот холодок ты чувствуешь: сквозняк / из прошлого... прощай же. Я доволен»).

Некоторые считали Набокова «космополитом» (З. Шаховская, например). Однако стихи Набокова говорят об обратном. Эхо родины всегда звучало в душе Набокова-эмигранта. В стихах о России обнаруживает себя глубочайшее понимание поэтом своей нерасторжимой связи с родиной – «Кость в груди нащупываю я: / родина, вот эта кость – твоя [2, с. 96]». Примечательно, что мотив родины у Набокова часто соединяется с мотивом поэзии. Родина – боль поэта. Воспоминания о ней пронзительны: ступни тоскуют по песку, по которому бегал («И тоскуют

впадины ступней / по земле пронзительной твоей...» [2, с. 96]); душа рвется к дому («... и твою почувствую весну: / угол дома, памятный дубок...») [2, с. 96]; в памяти всегда – город на Неве («Санкт-Петербург – узорный иней, / ex libris беса, может быть, / но дивный...») [2, с. 78]. Стихи воскрешают Россию, окунают поэта в ее атмосферу. Стихи для Набокова – это метафизическое пространство его отчизны. Обращаясь к России, поэт констатирует: «Воздух твой, вошедший в грудь мою, / я тебе стихами отдаю».

В эмиграции для Набокова актуализируется проблема «родной речи». В стихотворении «Молитва» (1924) [2, с. 89] Набоков передает свое отношение к родному русскому языку. Утратив на чужбине возможность «быть и жить» в пространстве русской речи, он как-то особенно пронзительно начинает осознавать ее уникальность. Набоков характеризует себя «рыцарем» родной речи. Русскую речь он называет «душистой», «родной», «живой», «полногласной», «чистой», «величавой». Набоков скорбит, что на родине родная речь «искажена, искромсана» новыми хозяевами. Поэт молится о сохранении родной речи. Русская речь для него – это «наше дивье диво», волшебство, бесценное богатство.

Итак, «стихи о стихах» Набокова запечатлели его напряженные раздумья над тем, что такое поэтическое слово и как поэт должен к нему относиться и им управлять. «Звезду, снежинку, каплю меда я заключаю в стих...» – так охарактеризовал Набоков свое желание лирически «инвентаризировать» мир, в котором все, по его глубокому убеждению, проникнуто дыханием Бога. Разумая поэзию «тенью Божьей», Набоков ставил перед собой серьезную задачу – кропотливо работать над поэтическим «глаголом». Слово поэта, выношенное, зрелое, но вместе с тем отмеченное «легкостью необыкновенной», обладает великой силой – оно способно преобразовать людей, делая их чище, доверчивее, красивее. Признание Набокова «... я все же, в этот век поветренных скорбей, / молюсь величию и нежности природы, / в земную верю жизнь, угадывая в ней / дыханье Божие, лазурные просветы, / и славлю радостно творенье и Творца, / да будут злобные, пустынные сердца / моими песнями лучистыми согреты...» (3) – по сути, гимн такому – Боговдохновенному – поэтическому слову.

References:

1. Beteya D. M. (1991) *Izgnanie kak uhod v kokon: Obraz babochki u Nabokova i Brodskogo* // *Russkaya literatura*. № 3, S. 167–175.
2. Vladimir Nabokov. *Stihi*. // URL: <http://lib.ru/NABOKOW/stihi.txt> (data obrashcheniya 10.02.2018).
3. Nabokov V. (1991) *Stihotoreniya*. Moskva
4. Smirnov V. (1991) *Stihi Nabokova* // Nabokov V. *Stihotvoreniya*. Moskva, 1991. S. 3–19.
5. Struve G. (1996) *Russkaya literatura v izgnanii*. Parizh Moskva